



<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-3-298-327>  
<https://elibrary.ru/LFDFME>  
Научная статья  
УДК 821.161.1.09"19"

© 2025. В. Г. Андреева

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук  
г. Москва, Россия

## Л. Н. Толстой об усадьбе XX в.: от «цивилизации машин» к новому природному дому восточного типа

*Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>*

**Аннотация:** Статья посвящена образу усадьбы и дома в наследии Л. Н. Толстого, особенно в его позднем творчестве. Отмечается, что на рубеже веков и в первое десятилетие XX в. Толстой становится яростным сторонником защиты простого народа и фактически отрицателем прежней усадебной культуры, невозможной без барских домов с садами и парками, дополнительными постройками, содержащимися усилиями крестьян и дворовых, обеспечивавших всю бытовую сторону жизни. В восприятии Толстым усадеб и формировании в его наследии образа частного дома с небольшим хозяйством немаловажное значение играла идея опрощения. В статье показано сложное отношение писателя к усадьбам: при любви к Ясной Поляне и понимании ценности усадебной жизни, отрицалась Толстым чрезмерная роскошь, свойственная городским и загородным усадьбам дворян и людей властных структур. Анализируется обращение Толстого к философии Востока и образу бытия восточных народов, который, по мнению писателя, хранил забытые европейской цивилизацией ключевые основы жизни.

**Ключевые слова:** Л. Н. Толстой, усадьба, усадебный топос, дом, Восток, Европа, Азия, восточная философия, природа, опрощение.

**Информация об авторе:** Валерия Геннадьевна Андреева, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

E-mail: [lanfra87@mail.ru](mailto:lanfra87@mail.ru)

**Дата поступления статьи в редакцию:** 11.07.2025

**Дата одобрения статьи рецензентами:** 08.08.2025

**Дата публикации статьи:** 25.09.2025

**Для цитирования:** Андреева В. Г. Л. Н. Толстой об усадьбе XX в.: от «цивилизации машин» к новому природному дому восточного типа // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 3. С. 298–327. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-3-298-327>



This is an open access article  
distributed under the Creative  
Commons Attribution 4.0  
International (CC BY 4.0)

**Dva veka russkoi klassiki,**  
vol. 7, no. 3, 2025, pp. 298–327. ISSN 2686-7494  
**Two centuries of the Russian classics,**  
vol. 7, no. 3, 2025, pp. 298–327. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2025. Valeria G. Andreeva

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences  
Moscow, Russia

## L. N. Tolstoy on the 20<sup>th</sup>-Century Estate: From the “Civilization of Machines” to a New Natural House of the Eastern Type

**Acknowledgements:** The research was carried out at IWL RAS at the expense of a grant from the Russian Science Foundation no. 22-18-00051-P (<https://rscf.ru/project/22-18-00051/>).

**Abstract:** The article is devoted to the image of the estate and the house in L. N. Tolstoy's legacy, especially in his later works. The research indicates that at the turn of the century and in the first decade of the 20<sup>th</sup> century, Tolstoy became an ardent supporter of the protection of the common people and, in fact, a denier of the previous estate culture, impossible without manor houses with gardens and parks, additional buildings maintained by the efforts of peasants and servants who provided for all the everyday aspects of life. In Tolstoy's perception of estates and the formation of the image of a private house with a small farm in his legacy, the idea of simplification played an important role. The article shows the writer's complex attitude to estates: with love for Yasnaya Polyana and an understanding of the value of estate life, Tolstoy denied the excessive luxury inherent in the urban and country estates of the nobility and people in power. The article analyzes Tolstoy's appeal to the philosophy of the East and the way of life of the Eastern peoples, which, according to the writer, preserved the key foundations of life forgotten by European civilization.

**Keywords:** L. N. Tolstoy, estate, estate topos, house, East, Europe, Asia, Eastern philosophy, nature, simplification.

**Information about the author:** Valeria G. Andreeva, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

E-mail: [lanfra87@mail.ru](mailto:lanfra87@mail.ru)

**Received:** July 11, 2025

**Approved after reviewing:** August 08, 2025

**Published:** September 25, 2025

**For citation:** Andreeva, V. G. “L. N. Tolstoy on the 20<sup>th</sup>-Century Estate: From the ‘Civilization of Machines’ to a New Natural House of the Eastern Type.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 7, no. 3, 2025, pp. 298–327. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-3-298-327>

Семья, собственный дом, жизнь в усадьбе вдали от городского шума, возможность чередования физического и умственного труда за счет ведения огромной писательской и публицистической работы и при этом серьезного увлечения хозяйственными делами были дороги для Толстого на протяжении всей жизни. С ранних лет задумывавшийся над выстраиванием своего пути, программой самообразования, увлеченный идеей самосовершенствования, Толстой был одержим поиском лучшей и правильной жизни, остро чувствовал несправедливости современного ему общества. Толстой много боролся за права народа, стоит вспомнить хотя бы его Яснополянскую школу и горячее отстаивание идеи просвещения и образования крестьян. Но обвинения в угнетении народа, пугающем неравенстве и бесправии властей становятся со стороны писателя особенно острыми и решительными в последнее десятилетие его жизни. К этому же периоду относится переосмысление Толстым формы усадебной жизни, более жестким и категоричным оказывается отношение писателя к владельцам роскошных загородных дворцов, дорогих усадеб городского типа. В 1900-е гг. формируется представление Толстого о новой усадьбе XX в.

Усадебная тема всегда была близкой для писателя, проведшего свои лучшие годы в Ясной Поляне. Однако в позднем творчестве проблеме усадебной жизни Толстой не посвящает специальной статьи или хотя бы отдельной главы в одной из публицистических работ. По всей видимости, Толстой не хотел писать прямо о собственном опыте и своей семье, так как тема излишеств в усадебной жизни оказалась одним из камней преткновения в общении писателя с супругой и детьми. 12 января 1909 г., находясь у Чертковых, а не в Ясной Поляне, Толстой записал в дневнике:

Вчерашняя музыка очень взволновала. Был у Чертковых. Очень приятно — не приятно, а гораздо больше — равенство общения со всеми. Разу-

меется, и там неполное, но нет мучительного присутствия «*прислуги*», подающих сладкие кушанья, которых им не коснуться. Всё тяжелее и тяжелее жизнь в этих условиях [Толстой 57: 9].

Хотя порою даже у С. А. Толстой (разумеется, под влиянием идей мужа) появлялись мысли об оставлении прежней усадебной жизни с многочисленными хлопотами. Вот запись из ее дневника от конца июня 1910 г.:

Приехала домой. Опять тяжесть жизни. Муж сурово молчит, а тут корректуры, маляры, приказчик, гости, хозяйство... Всем надо ответить, всех удовлетворить. <...> И вот сегодня вечером, обходя раз десять аллеи в саду, я решила без ссор, без разговоров нанять угол в чьей-нибудь избе и поселиться в ней, бросив все дела, всю жизнь, стать бедной старушкой в избе, где дети, и их любить [цит. по: Михновец: 40].

Кроме того, Толстого намного более привлекали в конце XIX в. и в первое десятилетие XX в. абстрактные вопросы: правила поведения и отношение к окружающим и миру, стремление к единению людей, к пониманию неискаженной мудрости, постижение различных духовных практик. Эти проблемы нравственной жизни казались ему более значимыми, нежели конкретные формы практического существования. Последние, по сути, определялись им по умолчанию после перехода к новому мировоззрению, обновлению взглядов на судьбы человечества и роль личности. Поэтому упоминания о жизни дворян, об усадебной жизни оказываются рассеянными по разным очеркам и статьям Толстого, в публицистике они не частотны, хотя нередко подразумеваются, даются «пунктиром». Писатель-реалист не столько констатирует новый тип усадебной жизни, сколько пытается предложить необходимые трансформации и в то же время положительно повлиять на происходящие изменения. Отдельные усадьбы и дома находят воплощение (наряду с критикой прежнего усадебного существования) в поздних произведениях Толстого — романе «Воскресение» и повести «Хаджи-Мурат».

В данной статье мы представим взгляд Толстого на новую усадьбу XX в. — *частный дом на лоне природы*, докажем, что в формировании этого топоса немаловажное значение имела ориентация писателя

в поздний период творчества на восточную мудрость: труды восточных философов, предлагаемые ими образцы жизни, рассказы знакомых и корреспондентов Толстого, примеры организации жилищ и хозяйств на выбранном участке земли с минимумом необходимого для человека или семьи. При этом образы усадьбы и дома у Толстого вполне стандартные: писатель не видел принципиально новой формы усадебного бытия, но радел за упрощение быта, самостоятельную организацию его владельцами усадьбы, непереносимое наличие земледельческих работ.

В представлениях о личном труде хозяина дома, возделывающего землю на своем участке, о внимании человека к природе, избегании повсеместного распространения машин, лишаящих человека возможности живого и деятельного контакта с природой, Толстой не столько не одинок, сколько, напротив, единомышлен со многими своими современниками. Отличие усадебных образов, образа дома у Толстого заключается в их слитности со многими другими аспектами жизни человека в силу вовлеченности в *общую объемную и открытую проповедь писателя* о необходимости естественной жизни, непротивления злу, отрицания государственного принуждения к насилию и войнам, в целом о том обмане, который совершался, по словам Толстого, правительством:

Вы говорите нам, что без вас нас завоюют соседние народы..., но мы читаем газеты и знаем, что никто не угрожает нам войною, а что только одни вы, правители, для каких-то непонятных нам целей, озлобляете друг друга и потом, под предлогом защиты своих народов, разоряя нас податями на содержание лотов, вооружений, стратегических железных дорог, нужных только для вашего честолюбия и тщеславия, затеваете войны друг с другом... [Толстой 36: 184].

Уместно тут привести замечание П. Д. Боборыкина, который условно назвал Толстого «эмигрантом», вспоминая «всю совокупность его деятельности за последние двадцать лет его жизни, его пропаганду, его *сredo* неохристианского анархиста чистой воды» [Боборыкин 2: 539]. П. Д. Боборыкин писал:

И если его не судили и не сослали без суда, то потому только, что власть боялась его популярности и прямо не преследовала его, но все-таки он

умер официально отлученным от государственно-полицейской православной церкви [Боборыкин 2: 507].

В литературоведении немало писали о двойственности Толстого, его противоречиях, решительном переломе в мировоззрении писателя, наступившем в начале 1880-х гг. Во многом рассуждения эти справедливы, но необходимо понимать, что основы будущего отрицания и критического отношения к общественным институтам, порядкам и условностям закладывались в Толстом гораздо раньше.

Одна из главных сложностей, которую писатель пронес через всю жизнь, заключалась в необходимости соответствия своему роду, продолжения служения Отечеству, ведения «барской» жизни и поддержания любимого и доставшегося ему по наследству имения Ясная Поляна, а при этом постоянных попытках отказа от чрезмерных условностей высшего света, от излишних материальных трат, упрощения усадебной жизни, избегания обременения других людей, в частности, собственных крестьян, о судьбах которых писатель немало задумывался. Мы уже писали о том, что по отношению к усадебной жизни в 1900-е гг. Толстой испытывал противоречивые чувства:

Маковицкий пишет, что в Толстом было сильно почитание предков — их портретов, посаженного ими леса, сада... Дорожил Толстой воспоминаниями о собственном детстве в усадьбе, не раз вспоминал особенности быта и внешнего вида имения вместе с приезжавшей периодически сестрой М. Н. Толстой... Для оставшихся в живых брата и сестры Толстых, уже находившихся в преклонном возрасте, усадебная жизнь неизменно связывалась с семейными историями, традициями и родными людьми. <...> С другой стороны, в это время писатель все более категорично начинает относиться к собственности, отыскивает в своей жизни недопустимую роскошь, совестится перед крестьянами и слугами [Андреева 2022: 38].

В молодости Толстой остро чувствовал себя одним из потомков нескольких древних родов, наследником богатой дворянской предыстории, которая была тесно связана с усадебным укладом. «Она была богатой, эта предыстория. В Толстом сошлась кровь Волконских, Голицыных, Трубецких, Еропкиных, Одоевских — самых родовитых русских семейств» [Зверев, Туниманов: 15]. Писатель гордился проис-

хождением, в своих произведениях он воплотил немало автобиографических героев и представил персонажей, которые воплощают черты его предков или близких людей. Несмотря на тот факт, что дорогие для Толстого герои, как правило, значительно выделяются из своего окружения, проходят сложный путь совершенствования, они, с точки зрения позднего Толстого, вели непозволительно роскошный и неправильный образ жизни, что неизменно относится в первую очередь к их жизни с излишествами. Таковыми были, к примеру, герои «Войны и мира», похожие на предков Толстого. «Люди эти — русское дворянство, русская аристократия той “первой поры”, в которую — тогда Толстой чувствовал это необычайно остро — уходят и его собственные духовные корни» [Зверев, Туниманов: 222].

С позиции «позднего Толстого» сложно представить, что когда-то он мог восхищаться чертами и поведением своего двоюродного дяди, гр. Федора Ивановича Толстого (1782–1846), прозванного «Американцем». По рассказам С. Л. Толстого, писатель вспоминал портрет Американца, которого видел однажды в детстве, и констатировал: «Много хотелось бы рассказать про этого *необыкновенного, преступного и привлекательного* человека» (Курсив мой. — В. А.) [Толстой 3: 329]. Для позднего Толстого сочетание «преступный и привлекательный» было немыслимо, но в 1856 г. молодой Толстой наделил чертами характера и поведением Американца героя «Двух гусаров» — Федора Ивановича Турбина, — а потом и сам попытался реализовать в жизни линию поведения своего дерзкого предка, вызвав на дуэль литератора и известного общественного деятеля М. Н. Лонгинова.

В 1870-е гг., в пору написания «Анны Карениной», Толстой в образе Константина Левина изображает мудрого и жалеющего народ помещика, однако при том, что в имении Покровское Левина нет такой избыточности во всем, как в имении Воздвиженское Алексея Вронского, автобиографический герой Толстого все-таки настоящий барин. Левин в «Анне Карениной» еще не тяготился тем, что именно он владеет всей землей, которая кормит его самого и мужиков (работающих на помещика). Левин изображен как рачительный хозяин, глубоко уверенный в том, что без его организации и мудрого устройства жизни в имении мало что получится сделать:

Когда он выехал за лес, перед ним на огромном пространстве раскинулись ровным бархатным ковром зелены, без одной плешины и вымочки, только кое-где в лощинах запятнанные остатками тающего снега. Его не рассердили ни вид крестьянской лошади и стригуна, топтавших его зелены (он велел согнать их встретившемуся мужику), ни насмешливый и глупый ответ мужика Ипата... Чем дальше он ехал, тем веселее ему становилось, и хозяйственные планы один лучше другого представлялись ему: обсадить все поля лозинами по полуденным линиям, так, чтобы не залеживался снег под ними; перерезать на шесть полей навозных и три запасных с травосеянием, выстроить скотный двор на дальнем конце поля и вырыть пруд... [Толстой 18: 165].

Левина в «Анне Карениной» еще очень мало волнуют вопросы общественной несправедливости, у него не так много поводов для недовольства. Однако меняется время, сам писатель, меняется и его герой. *Идеал спокойной семейной жизни в небольшой усадьбе на лоне природы* для Толстого не отступил назад, он продолжал оставаться актуальным, однако целью писателя было отнюдь не идиллическое существование в стороне от мира. Толстой являет собою в это время *болящую совесть интеллигенции и дворянства*. В романе «Воскресение» осознавать несправедливости жестокого и равнодушного общества, изменяться самому и прилагать огромные усилия для помощи ближним приходится Дмитрию Нехлюдову, владеющему двумя имениями со значительным количеством земли. Герой осознает свои грехи и ошибки, видит катастрофическое состояние общества, в котором каждому уготовано место не по уму, трудолюбию, чувствам и просто желанию жить, а исключительно по состоянию и связям. Нехлюдов задумывает произвести передачу земли крестьянам, но сначала он сталкивается лишь с серьезным непониманием, усиливаемым веками устоявшимся противопоставлением владельцев усадеб и работников: «Заметно было только, с одной стороны, сдерживаемое страхом озлобление, с другой — сознание своего превосходства и власти» [Толстой 32: 205]. В процессе передачи земли, которую Нехлюдов отдает мужикам в найм сравнительно дешево, герой чувствует *угрызения совести* (это было одно из состояний самого Толстого, постоянно ощущавшего вину помещиков перед простым народом):



Он шел исполнить то желание крестьян, об исполнении которого они и не смели думать, — отдать им за дешевую цену землю, то есть он шел сделать им благодеяние, а ему было чего-то совестно. <...> Крестьяне смотрели на барина и ждали, что он им скажет, а он так смутился, что ничего не мог сказать. <...> Все устроилось так, как этого хотел и ожидал Нехлюдов: крестьяне получили землю процентов на тридцать дешевле, чем отдавалась земля в округе... Все, казалось, было прекрасно, а Нехлюдову все время было чего-то совестно [Толстой 32: 206].

Обратим внимание на имя героя романа: Дмитрий Нехлюдов изображен Толстым в целом ряде произведений. И. И. Евлампиев и И. Ю. Матвеева точно показали, что этот герой-мечтатель, для которого главная коллизия жизни заключается в несоответствии действительности высоте мечтаний и представлений о людях, чрезвычайно близок автору:

Почти во всех ранних сочинениях Толстого действуют герои, обладающие развитой способностью к мечтательности; очень характерно, что в нескольких из них выведен один и тот же герой — Дмитрий Нехлюдов, который в «Отрочестве» и «Юности» является близким другом Николая Иртеньева и принадлежит к тому же типу мечтателей. Это означает, что писатель и вне контекста автобиографической трилогии постоянно размышлял об этом типе людей, уже не признаваясь прямо, что говорит о себе самом [Евлампиев, Матвеева: 149].

Вышедший в последний год XIX в., роман «Воскресение» через изображение затеи героя и ее реализации Нехлюдовым как бы подводил итог всем частным попыткам помещиков (достаточно редким и часто неудачным) в освобождении крестьян от высоких повинностей за землю или передачу им земли собственных имений.

На рубеже XIX и XX вв. и особенно в первое десятилетие XX в. Толстой становится яростным сторонником защиты простого народа и, по сути дела, *отрицателем прежней усадебной культуры*, невозможной без барских домов с садами и парками, дополнительными постройками, оранжереями, пусть у кого-то и небольшими, но содержащимися усилиями крестьян и дворовых, обеспечивавших всю бытовую сторону жизни. Рассуждая об усадебной культуре в России, исследователи

справедливо пишут о положительных ее сторонах, оговариваясь при этом о тех минусах и проблемах, которые из нашего века кажутся менее значимыми:

Вопиющее социальное неравенство, многочисленные злоупотребления помещиков, произвол властей по отношению к крестьянам — все это имело место, однако не могло зачеркнуть того факта, что именно в рамках «усадебной культуры» исторически, эмпирически, практически, а не умозрительно, происходило религиозно-нравственное и культурно-психологическое воссоединение двух частей русской нации, разобщенных петровскими реформами: народа и «образованного сословия» [Богданова: 18–19].

Толстой, названный В. В. Стасовым «адвокатом стомиллионного земледельческого народа», воочию видевший огромное социальное расслоение и часто пренебрежительное отношение к народу со стороны высшего света и чиновников, в 1900-е гг. готов был поступиться усадебными ценностями, выдвигая идею опрощения и полного самообеспечения человека в бытовом плане (отказа от слуг и сторонней помощи).

В публицистике Толстого и его эго-документах 1900-х гг. преимущественно встречаются примеры, в которых осуждаются современники, не знающие пределов роскоши, при этом сам писатель склонен был даже к чрезмерному упрощению быта, в том числе усадебного. В главе воспоминаний «В Москве — у Толстого» П. Б. Боборыкин рассказывает о своих встречах с Толстым, произошедших у писателя в доме. В первой он характеризует Толстого, как находящегося на пути к опрощению, однако в это время, по словам Боборыкина, «общая физиономия помещичьего дома» Толстых мало чем отличалась от других дворянских городских усадеб:

Просто дворянский дом, где-нибудь на Плющихе, или на Сивцевом Вражке, или в Староконюшенном переулке, у богатых помещиков, проживающих зимой в Москве, где много детей, где собирается молодежь, музицируют, играют в *petits jeux*<sup>1</sup>, болтают за чайным столом [Боборыкин 2: 500].

---

<sup>1</sup> Салонные игры (франц.)

В свой второй визит в московский дом писателя Боборыкин представляет новую стадию опрощения Толстого и другую обстановку в городской усадьбе, в помещениях, где проводил время писатель. Литератор описывает вход в дом, переднюю, но особенно подробно — кабинет Толстого, который он даже не может назвать кабинетом в связи с очень простой обстановкой:

Меня провели к нему, в его рабочую комнату. Надо было подняться во что-то вроде антресоля. Комната была довольно просторная, с невысоким потолком и смотрела более мастерской, чем благоустроенным барским кабинетом. Окна выходили в сад. Процесс опрощения уже сказывался во всем, начиная с блузы хозяина. Писал он за небольшим столом. На ставне у входа висело платье и еще что-то — все «простецкое», как бы у мастерового или зажиточного мужика [Боборыкин 2: 501].

Обратим внимание на то, что окна комнаты выходят в сад — это не случайно, в этой близости к природе также заключался один из составляющих толстовской концепции нового дома. Приводит Боборыкин и свой разговор с Толстым, который начался с примечательного для нас (в рамках данной статьи) вступления-обличения, причем своих же дам (членов своей семьи):

Я вот на днях говорю своим дамам: «Как вам не стыдно так жить?» Костюмированный бал у генерал-губернатора... Разрядятся и оголят себе руки и плечи. Им с полгоря: под шубой и в теплых комнатах... А кучер-старик должен на двадцатиградусном морозе ждать их до четырех часов ночи. Хоть бы к нему почувствовали жалость [Боборыкин 2: 501].

Толстой использовал любую представляющуюся возможность для иллюстрации бессердечной жизни богатых людей начала XX в., равнодушных к судьбам народа, и добрых начал, правдивых сторон крестьянской жизни. Дочь писателя, Т. Л. Сухотина-Толстая, прислала отцу «Письмо в редакцию» от 5 августа 1907 г., в котором она рассказывала о пожаре в своем имении. Толстой несколько скорректировал стиль письма дочери и, сопроводив его предисловием, отправил в газету «Голос Москвы», где оно было опубликовано 14 августа 1907 г. В письме Т. Л. Сухотиной-Толстой представлена слаженная и органи-

зованная помощь крестьян, тушивших загоревшуюся барскую усадьбу. Мужики оперативно и быстро, используя своих маленьких крестьянских лошадок, доставляли воду. В предисловии к статье дочери Толстой нарисовал «иллюзорную» разрушительную картину, воспользовавшись примером, показал абсурдность иного, противоположного поведения народа, подчеркнув внутреннюю силу крестьян, направляющую их к добру:

Толпа озлобленных, одуренных крестьян, подбитых революционерами, сожжет усадьбу, вырубит лес, убьет приказчика, помещика; отбившись от деревни и заболтавшиеся в городе крестьянские ребята, наученные революционерами, ограбят винную лавку, почтовую контору, убьют купца; вообще злые и развращенные люди из народа совершат какое-нибудь скверное преступление, и все говорят, пишут и печатают: «Русский дикий, озверелый народ. Только дать ему волю, и всё (всё то прекрасное, что мы делаем) будет разрушено этими варварами». Делают те злые дела, которые поражают нас, десятки, сотни, допустим — тысячи, а мы обвиняем 150-миллионный народ, приписывая ему всё то, что делает одна тысячная часть его! [Толстой 90: 83].

Толстой верил, что сила добра и взаимопомощи ближним среди простого народа была намного более сильной и деятельной. В финале предисловия писатель еще раз повторил свою излюбленную мысль о том, что образованным людям России нужно не поучать народ, а «постараться, вникнув в его жизнь, научиться от него жить так, как сказал мужик с бочкой» (мужик с бочкой воды в рассказе Т. Л. Сухоиной-Толстой сказал о необходимости взаимной помощи: «А как же, матушка, друг дружке не помогать, так и жить нельзя» [Толстой 90: 378]) [Толстой 90: 84].

Один из ключевых вопросов, который беспокоил позднего Толстого, был связан с правом владения землей. Образ земли и проблема отношения к земле и до 1880-х гг. серьезно рассматривалась писателем, образ земли в творчестве Толстого стал одной из четырех эпических констант: «Рождение и смерть, ситуация войны и образ земли становятся своеобразными критериями в художественных мирах Толстого — все эти четыре эпические константы являются не только смысловыми центрами, но и мерилami для толстовских героев» [Феномен:

25]. Познакомившись с учением американского политэконома Генри Джорджа, Толстой стал его рьяным сторонником, предлагая отказаться от возможности продажи и передачи земли в собственность, ввести прогрессивный налог на землю в зависимости от ее урожайности, количества в одних руках или выгоды расположения. Вопрос владения землей поднимается в большинстве трактатов Толстого, немало усилий писатель потратил на популяризацию взглядов Генри Джорджа, работы которого он цитировал, кратко излагал и пересказывал: «Рабство нашего времени» (1899–1900); «Письмо к крестьянину о земле (О проекте Генри Джорджа)» (1905); «Великий грех» (1905); «Единственное возможное решение земельного вопроса» (1906) и др. Толстой считал проблемы земельного вопроса одними из ключевых в приближении революции в России, в неумолимом разрушении прежних форм жизни, в том числе жизни усадьбы. 26 июля 1907 г. Толстой написал письмо П. А. Столыпину, в котором обратился к нему с просьбой о решении земельного вопроса:

Причины тех революционных ужасов, которые происходят теперь в России, имеют очень глубокие основы, но одна, ближайшая из них, это недовольство народа неправильным распределением земли. <...> Несправедливость состоит в том, что как не может существовать *права* одного человека владеть другим (рабство), так не может существовать *права* одного, какого бы то ни было человека, богатого или бедного, царя или крестьянина, владеть землею как собственностью. Земля есть достояние всех, и все люди имеют одинаковое право пользоваться ею [Толстой 77: 165].

Параллельно с поиском образцов поведения и настоящей душевной жизни в народной среде, у простых людей и даже в природе, Толстой в поздний период творчества обращается и к восточной философии, подчеркивая, что настоящий Восток *еще не развращен пагубным воздействием цивилизации*, а поэтому хранит лучшие примеры чуткого взаимодействия людей, мудрого поведения, правильных жизненных ценностей. Конечно, Толстой не знал изнанки народной жизни восточных стран, опираясь, более всего, на отдельные элементы их учений. А. И. Шифман подчеркнул, что «зная о жизни народов Азии большей частью из писаний древних мудрецов», Толстой не имел «возможности

в деталях следить за теми глубинными процессами, которые там происходили» [Шифман: 14].

В последнее десятилетие жизни Толстой становится поистине космополитом, во взглядах на восток он искал силы и основы для грядущего обновления. На закате жизни Толстой обретает мировую славу и известность, Ясная Поляна становится местом паломничества многих учеников и сторонников Толстого, в усадьбу стекаются письма со всего мира, немало зарубежных посланий приходит из стран Азии и даже Африки: Толстой получал послания с личными просьбами, а также те, что были связаны с его взглядами. И тут можно говорить о двустороннем процессе: по мере знакомства с проблемами других стран и народов, Толстой начинает вникать в их судьбу, осмыслять их путь, проецируя некоторые моменты на настоящее и будущее России. Выступая против колониализма, Толстой немало думает об угнетенном положении русского народа:

Настоящие кормильцы европейских паразитов это — рабочие в Индии, Африке, Австралии, отчасти в России; они не видят их. Но не то для нас, русских. У нас нет колоний, где бы невидные нам рабы кормили нас за наши промышленные произведения. Наши кормильцы, страдающие, голодающие, всегда перед нами, и нам нельзя перенести неправды нашей жизни на отдаленные от нас колонии, чтобы тамошние рабы кормили нас [Толстой 36: 220].

Вместе со своими помощниками и сторонниками (В. Г. Чертковым, П. И. Бирюковым, П. А. Буланже и др.) Толстой пишет о восточной культуре, осуществляет переводы фольклорных произведений стран востока, знакомя с ней отечественных читателей и при этом обретая верных последователей в Азии. К. Рехо отметил, что «Толстой сблизил Россию с Востоком, он был подлинным другом Азии, защитником обездоленных людей без различия рас, и таким вошел в сознание народов благодарного Востока» [Рехо: 25].

Уже в 1880-е гг., и далее на протяжении всех последних тридцати лет жизни Толстой увлекался философией Востока, много читал:

труды китайских мыслителей Конфуция, Лао-цзы, Мо-цзы, Мэн-цзы, индийских — Рамакришны, Свами Вивекананды, Шанкары, был хорошо

знаком с текстами Авесты, Вед, Корана, Торы, Дхаммапады, и т. д., изучал историю Востока (восточные войны, азиатский способ производства, походы Чингисхана и Темура и т. д.), хорошо знал многие вероучения, в т. ч. такие оригинальные как бабизм, брахманизм, раджа-йога, бехаизм, и др., устно и письменно общался со многими востоковедами, такими как Арвед Барин, С. М. Георгиевский, Макс Мюллер, С. Д. Николаев, Наум Эйнгорн, Павел Якушкин и т. д. [Алиева, Назаров: 42].

Интересно, что элементы восточной философии, восточного мировоззрения появляются в произведениях Толстого задолго до глобального увлечения писателя трудами Лао-Цзы, Конфуция, Мэн-Цзы, Будды и др. Уместно вспомнить, что в 1844 г. юный Толстой поступил в Казанский университет на отделение восточных языков философского факультета, что это был сознательный выбор (пусть далее Толстой перевелся на юридический факультет, а потом и вовсе ушел из университета). Тяга к восточному направлению, таким образом, жила в писателе еще с молодых лет. Несмотря на общую направленность всей образованной и академической среды преимущественно на запад, в Европу, жизнь предоставляла Толстому множество возможностей для понимания того, что Россия является евроазиатской страной, что у России немало общего не только с ее европейскими соседями, но и с восточными. Биографы Толстого и исследователи отмечают, что в жизни писателя немалое значение имела встреча с буддийским ламой, преподавателем Казанской гимназии и Императорского Казанского университета Галсаном Гомбоевым, бурятом по национальности. Е. Е. Балданмаксарова подчеркнула, что встреча Толстого с Галсаном Гомбоевым и полученные от него знания об «основных философских категориях буддийского учения, в частности о сущности закона ахимсы (ненасилия), повлияли на осмысление им кардинальных, сущностных вопросов бытия и не только, свидетельствуя о радикальной переоценке ценностей как первопричины нарождающегося духовного переворота, сопровождающегося мучительной работой духа, сомнениями и прозрениями» [Балданмаксарова: 17]. Исследовательница отмечает ценность диалога Толстого и Галсана Гомбоева как «пути преодоления разобщенности, формы сближения и сопряжения разного, приводящей к взаимоузнаванию и взаимораскрытию...» [Балданмаксарова: 17]. Элементы восточной культуры и ряд основ жизни и мировоззре-

ния исламского мира Толстой постигает во время пребывания на Кавказе. Толстой с интересом и большим уважением погружался в новые для него особенности культур и укладов других народов, он стремился самостоятельно, без готовых формул и выводов современников, разобраться в сущности происходящих на юго-востоке и востоке событий. На Кавказе также состоялось своеобразное узнавание, в результате которого пополнилось новыми открытиями и выводами сложное мировоззрение Толстого. Писатель все больше начинает интересоваться судьбами мира и разных людей, особенностями их жизни и восприятия. Некоторые исследователи предполагают, что именно на Кавказе «у Л. Н. Толстого зародились идеи ненасилия, превратившиеся позже в весьма стройную философскую теорию», отдельные элементы которой «совпадали с религиозным учением шейха Мансура, руководителя народно-освободительного движения в Чечне и на Северном Кавказе в конце XVIII в.» [Гапуров: 35]. После Крымской войны Толстой получил предложение о поездке в Заамурье, то есть в Китай (писатель от нее отказался), куда, например, отправился его сослуживец по дунайской армии Л. Ф. Баллюзек, дважды посетивший Китай и Японию, сопровождая туда миссию графа Путятина и генерала Игнатьева, и вскоре после этого назначенный послом в Китай.

Герой последнего романа Толстого «Воскресение», Дмитрий Нехлюдов, отправляется за осужденной Катюшей Масловой в Сибирь, проезжая из европейской части России — в азиатскую, наблюдая за жизнью разных людей, созерцая дворянские усадьбы и дома мещан и крестьян в обеих частях света. А ведь в задуманном Толстым романе о декабристе, который позднее перерос в «1805 год» и далее в «Войну и мир», будущий Пьер Безухов должен был уже стариком возвращаться из Сибири. Замысел с декабристами Толстой не реализовал, но тема русских просторов и азиатской части России, не только места ссылки политических и уголовных заключенных, но и части неведомой, далекой, спасительной для страны во многие времена, осталась. К. Рехо отметил, что «как раз “восточные приметы” в “Войне и мире” вызвали наибольшие споры уже после первой публикации начала романа в “Русском вестнике”. Кутузов якобы “снижен” Толстым, писатель исходит из ложных теорий и создает односторонний, надуманный образ, отдающий “диким, чисто восточным фатализмом”. Не только русская, но и западно-европейская критика не могла простить писателю его “уход в глубь степей Азии”» [Рехо: 15].



Конечно, по отношению к «Войне и миру» еще рано говорить о толстовском видении усадьбы нового, упрощенного типа (характерного для начала XX в.), лишенной изысков и содержащейся усилиями одной семьи. Однако в жизни Ростовых, Болконских и Курагиных Толстой реализует ту же дорогую ему истину, которую он будет излагать и в поздних произведениях:

В художественном мире романа Толстого атмосфера городского усадебного дома (еще со времен романа-эпопеи «Война и мир») определяется не стенами и дверьми, а населяющими его людьми. И писатель показывает, что последние порою ведут себя не по-хозяйски, а как гости [Андреева 2021: 151].

Исключительно как хозяйка поступает Наташа Ростова, просящая отца отдать подводы раненым. Наташа, может быть, и не понимает всей глубины и символичности своего искреннего и благородного жеста, но она, как и Кутузов, спасает армию, юная графинечка не держится за скарб. Спасая русских военных, пусть и лишаясь приданого, Наташа обеспечивает будущее семей, новых домов, которые еще будут возведены.

Е. А. Чуканова предлагает в отношении разных городских и загородных усадеб в «Войне и мире» использовать понятия «дом» и «антидом»: «Если понятие “Дом” связано у Л. Н. Толстого с Ростовыми и Болконскими, “Антидом” — с Курагиными и их окружением» [Чуканова: 126]. Исследовательница цитирует строки из романа-эпопеи, когда Толстой глазами Пьера Безухова показывает нам беспорядок дома Курагиных:

В передней никого не было; валялись пустые бутылки, плащи, калоши; пахло вином, слышался дальний говор и крик. Игра и ужин уже кончились, но гости еще не разъезжались [Чуканова: 126]

и делает вывод:

Образ дома, в котором нет домашнего уюта и любви, в романе всегда сопровождается мотивом внутренней нечистоты, тщательно скрываемой за внешним блеском. Вероятно, поэтому в великолепном доме Василия Курагина Пьер испытывает смутение, сомнение, чувство утраченной чистоты [Чуканова: 126].

Примечательно, что *чистота* является одним из важнейших и основополагающих понятий и даже принципов жизни в восточной философии. Исследователи не раз уже отмечали, что во время работы над «Войной и миром» Толстой был еще мало знаком с трудами Лао-цзы, с буддизмом, однако в тексте романа-эпопеи немало примеров, когда образ мышления отдельных героев и их поведение сближаются с восточными принципами и установками. К. Рехо отметил: «Разве будет ошибкой предположить, что у русского писателя была некая генетическая предрасположенность к Востоку, его космологическим и нравственным понятиям, и это отразилось отчасти в “Войне и мире”?» [Рехо: 19–20].

Сам материал помогал Толстому представлять жизнь в ее многообразии. Тактика Кутузова, его сдача Москвы, а потом уничтожение армии Наполеона выглядят именно как элементы восточной мягкости, гибкости и внутренней силы:

Одна из самых могучих и самых сильных особенностей интеллекта Кутузова заключалась в том, что никогда он не был и не ощущал себя только полководцем, дающим сражения, или только дипломатом, ведущим переговоры, или только государственным человеком — правителем и устройте-лем большого края [Баранов: 108].

В поздний период творчества восточная философия и общение с индусом Махатмой Ганди, египтянином Мухаммедом Абдо, со многими представителями стран Востока открывают для Толстого близость России и Востока, народы которых, по мысли писателя, могут объединиться в сознании своих прав на независимость.

Обращение к древним мыслителям побуждает Толстого не к поэтизации определенных форм жизни, но к выдвижению идеи о необходимости возвращения к естественному пребыванию человека на лоне природы, строительства *не небоскребов, но новых домов восточного типа*.

В статье «Конец века» (1905) Толстой ставит под сомнение вектор развития европейской цивилизации, пишет о том, что поддержка ее осуществляется лишь теми, кто живет не просто в этой цивилизации, а содержится ею, существует праздно за счет средств народа. Писатель осуждает строительство высотных домов, идеалом его является *загородный дом на природе на одну семью*:

Мы смотрим на египетские пирамиды и ужасаемся на жестокость и нелепость тех людей, которые приказывали их строить, как и тех, которые исполняли их приказания. Но насколько жесточе, нелепее те 10-ти и 36-ти-этажные дома, которые люди нашего мира строят по городам и гордятся ими. Кругом земля со своими травами, лесами, чистыми водами, чистым воздухом, солнцем, птицами, зверями, а люди со страшными усилиями, загораживая от других солнце, воздвигают качающиеся от ветра 36-ти этажные дома в месте, где нет ни травы, ни деревьев и где всё, и вода и воздух, загажены, вся пища подделана и испорчена и жизнь трудна, нездорова. Разве это не признак явного умопомешательства целого общества людей, не только совершающих такие безумства, но еще и гордящихся ими? Но это не единственный пример. Взгляните вокруг себя, и вы на каждом шагу увидите всяких родов нелепости, такие же, как эти 36-тиэтажные дома, стоящие египетских пирамид [Толстой 36: 266].

Популярность Толстого с годами только росла, причем в прогрессии. Приезды к писателю гостей и делегаций из других стран, обмен мнениями способствовал все большей универсализации взглядов Толстого, росту его последователей. А. И. Шифман отмечает, что во время приезда японцев в Ясную Поляну Толстой и его гости немало внимания уделили тому, как организована жизнь простых людей в России и Японии:

...японцы рассказывали о своей стране, о ее культуре, и в частности о необыкновенном развитии садоводства в Японии. <...> Лев Николаевич проявил к их рассказам живейший интерес. Он совершил с японцами прогулку по деревне и окрестностям Ясной Поляны, во время которой познакомил их со многими крестьянами и с бытом русской деревни [Шифман: 160].

Примечательно, что приезжавший в Ясную Поляну в июне 1906 г. японский писатель Токутоми Рока, который, как отмечает Л. Л. Громковская, «ощущал себя посланцем доброй воли, которого мыслящая Япония направила к Толстому сразу же после окончания кровопролитной войны», испытал на себе сильное влияние произведений и проповеди Толстого [Громковская: 58]. Гость из Японии пробыл в Ясной Поляне всего пять дней, но это время стало для него поворотным в жизни: по возвращении в Японию он стал жить крестьянским трудом:

...он по возвращении на родину отказался от городских благ и зажил жизнью бедного крестьянина. Мужественно последовала за ним и его жена Ай, не устранившаяся ни физического труда, ни лишений. Так возникла в Титосэ, близ Токио, своеобразная японская «Ясная Поляна», которая стала местом паломничества сотен и тысяч японцев, приезжавших за советом и помощью к любимому писателю — ученику великого Толстого. Токутоми Рока свято соблюдал заветы своего учителя и никому не отказывал ни в помощи, ни в беседе [Шифман: 194].

Для Толстого это была, конечно, своеобразная победа. Он сам не смог уже жить так, как Токутоми Рока, в силу возраста, большой семьи и множества условностей. В свете поздних рассуждений писателя становятся более понятными его сельскохозяйственные эксперименты, его привлечение к тяжелому труду наравне с крестьянами даже дочерей (которые, в отличие от сыновей, шли вслед за отцом в его убеждениях и идеалах). Толстой старался начинать с себя, со своей семьи, и любая неудача огорчала писателя, показывала ему ту пропасть, которая существовала между его статьями и его настоящей жизнью.

Закономерно получалось так, что в попытке перестроения усадьбного быта, упрощения его до образа жизни в своем доме исключительно трудами своей семьи, Толстой встречался с новыми трудностями, которые в России он видел на множестве примеров. Тут еще одна причина пристального взгляда Толстого на Восток. Исследователи отмечают, что в своей статье «Письмо к китайцу» (1906)

писатель указал на особую миссию России и восточных народов (Китай, Индии, Турции, Персии) — совместное обретение истинного пути посредством «деятельности, сообразной с вечным основным законом жизни человека», потерянным западными народами по причине воздействия на их культуру «машиной» цивилизации... [Ван, Краснаярова: 103].

Необходимо признать, что Толстой был даже несколько одержим идеей опрощения, наивно полагая, что определенные условия жизни и тяжелый земледельческий труд способны кардинально изменить сознание человека. По мнению писателя, именно восточные государства могли бы указать народам истинный путь к свободе, который заключался в избавлении от правительств. Толстой считал, что европейская

цивилизация, прогресс должны были продемонстрировать восточным народам абсурдность и бесполезность авторитарных вождей. Последнее не совместимо с идеей движения и демократического развития, поэтому на примере народов Востока необходимо понять важность свержения прежней власти, установить власть народа. В «Письме к китайцу» эта мысль звучит очень ярко:

Как верно сказал русский писатель Герцен, Чингис-хан с телеграфами и электрическими двигателями невозможен. Если еще существуют до сих пор на Востоке Чингис-ханы или их подобия, то ясно, что час их настал и что они последние. Они не могут продолжать существовать и потому, что вследствие телеграфов и всего, что называется цивилизацией, их власть становится слишком тяжелой, и потому, что народы, благодаря той же цивилизации, особенно живо чувствуют и сознают, что существование или несуществование этих Чингис-ханов не безразлично для них, как это было в старину, но что почти все бедствия, от которых они страдают, происходят именно от этой, власти, которой они подчиняются без всякой выгоды для себя, по одной привычке. В России это наверное так. Думаю, что так это и для Турции, и для Персии, и для Китая. Для Китая это в особенности так вследствие миролюбия его народов, дурного устройства его войска, дающего возможность европейцам безнаказанно грабить китайские земли под предлогом разных столкновений и несогласия о китайским правительством. Китайский народ не может не чувствовать необходимости изменения своего отношения к власти [Толстой 36: 294].

По поздним художественным произведениям Толстого становится понятно, что писатель-реалист не находил в России того образца новой усадьбы, нового дома, который был в его воображении, на реализацию которого он надеялся в скором времени.

Роман «Воскресение», ставший широко известным во многих странах Азии, очень полюбился восточным читателям, прежде всего, за образ Катюши Масловой, ее трудностей, ее судьбы, неприкрашенно изображенной Толстым. Самому же писателю важно было также показать приближение героя, Дмитрия Нехлюдова, к определенному результату. Не просто провести его по пути отвержения прежней жизни, уличения в роскоши и бездействии своих прежних знакомых — представителей высшего света, аристократии, чиновников и даже правительственные

круги, — но вывести к мысли о необходимости трудовой жизни, собственной семьи, своего нового дома. Мы уже писали о том, что в «Воскресении» «очень сильна линия отрицания роскоши усадебного быта чиновников и дворян, проживающих в Москве и Петербурге» [Андреева 2021: 151]. Однако Толстой не смог дать в романе примера усадьбы нового типа. В Сибири Нехлюдов посещает семью генерала и его дом, однако перед нами оказывается та же самая роскошь, против которой столько восставал автор:

Обед у генерала, обставленный всею привычною Нехлюдову роскошью жизни богатых людей и важных чиновников, был после долгого лишения не только роскоши, но и самых первобытных удобств особенно приятен ему [Толстой 32: 426].

Благодаря образу дочери генерала и ее мужа Толстой выводит Нехлюдова к мысли семейной. Нехлюдову нравится эта пара, их дети, правильная и полезная деятельность молодого человека, занимающегося статистикой и инородцами, которых он пытался спасти от вымирания. Однако образа нового дома в романе Толстой не дал: по всей видимости, Нехлюдову далее придется его строить.

Примечательно, что в черновиках Толстой на определенном этапе предполагал *другой финал романа*: женитьбу Нехлюдова на Катюше, их попытку жизни честным трудом и далее отъезд в Лондон. В вариантах к роману Нехлюдов (в отличие от итогового текста) отдавал мужикам всю землю безвозмездно, а себе оставлял только небольшие деньги, вырученные за продажу дома в имении и картофельного завода. С этими деньгами он как раз и пытался устроить свой быт по образцу усадьбы нового типа — небольшого домика с садом и огородом, который должен был кормить хозяев:

Планы Нехлюдова далеко не осуществились. Устройство сада и огорода, в котором бы он сам работал, не удалось ему. Не удалось потому, что часть его времени была занята перепиской с проповедниками идеи освобождения от земельного рабства как в Европе, так и в Америке, другая же часть — сочинением книги о земельной собственности и кроме того обучением детей, которые приходили к нему. Так что огородом и садом он мог заниматься мало и передал это дело работнику и жене. Катюша со времени

поселения своего, кроме домашнего хозяйства, много читала и училась и, поняв дело своего мужа, помогала ему и гордилась им. Средства Нехлюдова, его 12 тысяч, с устройством домика, помощью нуждающимся и затратой на печатание брошюр и книг, которые все запрещались цензурой, скоро истощились. Так что он должен был добывать себе средства жизни, что он и делал, садом и огородом и статьями в русских и заграничных изданиях [Толстой 33: 93–94].

Как мы видим, этот черновой текст не продуман до деталей, содержит повторы — по всей видимости, писатель достаточно быстро отказался от такого плана развития событий, однако нам важно было обозначить присутствие хотя бы в черновиках этого *маленького домика на одну семью*. Толстой также прописывал в черновиках ссылку своего героя в Амурскую область и его побег оттуда за границу. По всей видимости, писатель хорошо понимал, что правительство терпит его воззвания исключительно в силу большой известности.

Городские и загородные усадьбы в романе «Воскресение» нами подробно рассмотрены с обозначением критики писателя в адрес высшего света [Андреева 2021]. Однако образы усадеб появляются и в последней повести Толстого «Хаджи-Мурат». Как и в окончательном тексте романа «Воскресение», в «Хаджи-Мурате» Толстой опять не представляет дома нового типа, изображение усадеб на Кавказе (принадлежащих старшему и младшему Воронцовым) дано в свете прежнего обличительного взгляда на роскошь и богатое убранство:

Воронцов жил с женой, Марьей Васильевной, знаменитой петербургской красавицей, и жил в маленькой кавказской крепости роскошно, как никто никогда не жил здесь. Воронцову, и в особенности его жене, казалось, что они живут здесь не только скромной, но исполненной лишений жизнью: здешних же жителей жизнь эта удивляла своей необыкновенной роскошью [35: 16].

Однако некоторые записи Толстого в дневнике говорят о том, что усадебная тема как содержание и форма жизни прежней и новой продолжала оставаться для писателя актуальной. Приведем в качестве примера лишь одну значимую цитату из дневника Толстого. 14 ноября 1897 г. в Ясной Поляне писатель отмечает в дневнике

несколько пунктов, между которыми, по нашему мнению, есть логичная связь:

1) Читал о действиях англичан в Африке. Все это ужасно. Но — пришло в голову — может быть, это неизбежно нужно для того, чтобы к этим народам проникло просвещение. Сначала задумался и подумал, что это так надо. Какой вздор. Почему же людям, живущим христианской жизнью, не пойти просто, как Миклухо-Маклай, жить к ним, а нужно торговать, спаивать, убивать. Говорят, если бы люди жили по-христиански, им бы делать нечего было. Вот дело. И дело огромное — пока Евангелие проповедует всякой твари.

2) Наука, потеряв религиозную основу, стала изучать пустяки, главное, перестала изучать важное. С тех пор и составила теория опытной науки, Бекон.

3) Думал в pendant [параллельно — (фр.)] к «Хаджи-Мурату» написать другого русского разбойника — Григория Николаева, чтоб он видел всю незаконность жизни богатых, жил бы яблочным сторожем в богатой усадьбе с lawn tennis'ом [Толстой 53: 161].

Первый абзац посвящен проблемам народов Африки, с которыми жестоко обходились колонисты. Толстой максимально честен, он сначала пытается оправдать англичан, предполагая, по всей видимости, дикость и необузданность народов Африки. Однако писатель быстро понимает свою ошибку и встает на защиту местных жителей. Второй абзац, посвященный науке, связан с первым: наука, как показывает Толстой, заменяется суррогатом, лженаукой, подобно тому, как многие похожие подмены происходят в обществе (освоение Африки через убийства и жестокости местного населения) для сокрытия преступлений и истинного положения вещей. В третьем абзаце речь идет о задумке Толстым параллельного изображения одного разбойника на востоке (Хаджи-Мурат) и другого разбойника на русской почве, который был бы прочно связан с усадебным топосом.

Толстой не реализовал замысел с «русским разбойником», но, по всей видимости, сюжет этот задумывался для очередного разоблачения усадебной роскоши и, может быть, для попытки противопоставления нечестной и лживой жизни в усадьбе — жизни настоящей. Однако писатель очень серьезно и долго занимался «Хаджи-Муратом»



(повесть была опубликована уже после смерти Толстого). По мере работы повесть становилась для писателя все более дорогой, что обуславливалось, по всей видимости, целым рядом факторов. Толстой был уже в преклонном возрасте и на определенном этапе начал оценивать «Хаджи-Мурата» как свою последнюю серьезную художественную вещь. Кроме того, несмотря на все скептические отзывы самого Толстого о литературном творчестве, оно неизменно притягивало мыслителя и публициста, давало возможность «проверки» и «доказательства» найденных философских прозрений, а чаще всего предполагало и шлифовку выводов и концепций. В художественном мире повести «Хаджи-Мурат» оказалась реализованной дорогая Толстому мысль о духовной связи всего живого, возможности осмысления человеком Божественной энергии, присутствующей не только в нем самом, но и во всех окружающих людях, живых существах.

Д. Ю. Квитко справедливо заметил, что Толстой не принимал буддизма целиком и полностью, безоговорочно, а разделял некоторые важные его элементы, которые логично встраивались в философию и картину мира писателя:

Толстой не был последовательным христианином, конечно, а буддистом и подавно. Но в толстовстве много буддийских элементов: и сам Толстой часто отзывался о буддизме с большим уважением... [Квитко: 47].

Приведем короткий отрывок из буддийской сказочки Толстого «Карма» (1984), переведенной писателем из американского журнала «Open Court», в которой заключена дорогая для него буддийская мысль о связи всего живого:

Считать себя отдельным существом есть обман, и тот, кто направляет свой ум на то, чтобы исполнять волю этого отдельного существа, следует за ложным светом, который приведет его в бездну греха. То, что мы считаем себя отдельными существами, происходит оттого, что покрывало Майи ослепляет наши глаза и мешает нам видеть неразрывную связь с нашими ближними, мешает нам проследить наше единство с душами других существ [Толстой 31: 51].

Хаджи-Мурат этой связи всего живого не чувствует, фактически не ощущает ее в необходимой мере никто из героев повести, однако идея родственности всего живого, удивительной связи совсем разных людей в повести антитетична войне и тем страшным жестокостям и обманам, которые люди устраивают в отношении друг друга. Толстой вновь не смог в полной и желаемой мере реализовать образ новой усадьбы (так как не было подходящего материала и повода), однако тема опрощения и возвращения к истокам в повести звучит достаточно ярко. Это может показаться странным, но прообразом лучшего дома в повести становится сакля Садо с радушием ее хозяев, мудрым распорядком жизни, распределением обязанностей между всеми членами семьи, чистотой, полным согласием, глубоким уважением к старшим и почитанием мужчин. Толстой показывает, как война, начатая по воле высшего командования и абсолютно не нужная ни простым русским людям, ни горцам, не только разоряет народ, но и на место неразрывной связи братьев и сестер ставит глубокую неприязнь.

Итак, можно подытожить, что усадебная тема, значимая и важная для писателя в поздний период творчества, рассматривается им не отдельно, не изолированно, но в контексте рассуждений о свободной и счастливой жизни народа, завершении притеснений крестьян, окончательном решении земельного вопроса и др. На протяжении жизни Толстой фактически не расставался надолго со своей Ясной Поляной, однако в поздний период писатель достаточно резко и однозначно переосмысливал свой быт, существование своей семьи, придерживался идеи опрощения жизни, которая серьезно повлияла на его отношение к усадьбам. Не находя в России возможности для реализации образа новой усадьбы как индивидуального дома на одну семью с правильным распорядком дня и мудрым распределением обязательств между членами семьи, Толстой обращается к восточной философии, в надежде найти в Китае, Японии, Индии и других восточных странах образцы мудро устроенного дома, близкого к природе. Растущая популярность и известность Толстого во всем мире способствовала тому, что идеи писателя реализовывались отдельными его последователями на Востоке.

## Список литературы

### Источники

Боборыкин П. Д. Воспоминания: в 2 т. М.: Худож. лит., 1959.

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1928–1958.

### Исследования

Алиева В. Р., Назаров Р. Р. Восток в жизни и творчестве Л. Н. Толстого (читая дневники писателя) // Л. Н. Толстой и русская отечественная мысль о национальном воспитании. Орехово-Зуево: Гос. гуманитарно-технологический ун-т, 2016. С. 40–44.

Андреева В. Г. Усадьбная жизнь Л. Н. Толстого в «Яснополянских записках» Д. П. Маковицкого // Университетский научный журнал. 2022. № 68. С. 36–48. [https://doi.org/10.25807/22225064\\_2022\\_68\\_36](https://doi.org/10.25807/22225064_2022_68_36)

Андреева В. Г. Усадьбы в романе Л. Н. Толстого «Воскресение»: от обличения роскоши к жизни на земле // Филологический класс. 2021. Т. 26, № 2. С. 144–154. <https://doi.org/10.51762/1FK-2021-26-02-12>

Балданмаксарова Е. Е. Литературная классика в диалоге культур Востока и Запада (опыт межкультурного диалога Л. Н. Толстого и буддийского монаха Г. Гомбоева) // Ценности и смыслы. 2018. № 1 (53). С. 7–16.

Баранов В. П. М. И. Кутузов — величайший полководец России // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. 2012. № 4 (74). С. 104–109.

Богданова О. А. «Усадьбная культура» в русской литературе XIX – начала XX века. Социокультурный аспект // Новый филологический вестник. 2010. № 2 (13). С. 14–25.

Ван К. Л., Краснаярова А. А. Толстой и культура Китая // Филология в XXI веке. 2018. № 2 (2). С. 102–110.

Гапуров Ш. А., Гапурова М. Ш., Саралиева Л. Ш. Влияние Кавказа на становление литературного творчества и философского мировоззрения Л. Н. Толстого // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2020. № 4 (51). С. 33–39. <https://doi.org/10.25744/vestnik.2020.51.4.006>

Громковская Л. Л. Лев Толстой и Токутоми Рока (К проблеме литературного влияния) // Лев Толстой и литературы Востока / отв. ред. Ким Рехо. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. С. 57–70.

Евлямпиев И. И., Матвеева И. Ю. Две вер сии портрета «человека усиленно сознающего»: «Записки из подполья» Ф. М. Достоевского как творческий отклик на «Отрочество» и «Юность» Л. Н. Толстого // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 2. С. 142–175. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-2-142-175>

Зверев А. М., Туниманов В. А. Лев Толстой. М.: Молодая гвардия, 2007. 782 с.

Квитко Д. Ю. Философия Толстого. М.: Изд-во Ком. акад., 1930. 227 с.

Михновец Н. Г. Жизнь с гением: жена и дочери Льва Толстого. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. 928 с.

Рехо К. Лев Толстой и Восток // Лев Толстой и литературы Востока / отв. ред. Ким Рехо. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. С. 5–56.

Лики русской усадьбы в литературе XVIII – начала XX в.  
В. Г. Андреева. Л. Н. Толстой об усадьбе XX в.: от «цивилизации машин»  
к новому природному дому восточного типа

Феномен эпического романа в русской литературе второй половины XIX века:  
И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский / В. Г. Андреева,  
А. В. Гулин, Н. Л. Ермолаева. Кострома: Костромской гос. ун-т, 2022. 512 с. <https://doi.org/10.34216/russian-epic-novel-2022>

Чуканова Е. А. Дом и антидом в романе-эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир» // Державинский форум. 2020. Т. 4, № 14. С. 120–128.

Шифман А. И. Лев Толстой и Восток. М.: Наука, 1971. 550 с.

## References

Alieva, V. R., and R. R. Nazarov. "Vostok v zhizni i tvorchestve L. N. Tolstogo (chitaia dnevniki pisatel'ia)" ["The East in the Life and Work of L. N. Tolstoy (Reading the Writer's Diaries)"]. *L. N. Tolstoi i russkaia otechestvennaia mysl' o natsional'nom vospitanii* [L. N. Tolstoy and Russian Thought on National Education]. Orekhovo-Zuevo, State Humanitarian and Technological University Publ., 2016, pp. 40–44. (In Russ.)

Andreeva, V. G. "Usadebnaia zhizn' L. N. Tolstogo v 'Iasnopolianskikh zapiskakh' D. P. Makovitskogo" ["The Estate Life of L. N. Tolstoy in D. P. Makovitsky's 'Yasnaya Polyana Notes'"]. *Universitetskii nauchnyi zhurnal*, no. 68, 2022, pp. 36–48. [https://doi.org/10.25807/22225064\\_2022\\_68\\_36](https://doi.org/10.25807/22225064_2022_68_36) (In Russ.)

Andreeva, V. G. "Usad'by v romane L. N. Tolstogo 'Voskresenie': ot oblicheniia roskoshi k zhizni na zemle" ["Estates in L. N. Tolstoy's Novel 'Resurrection': from the Denunciation of Luxury to Life on Earth"]. *Filologicheskii klass*, vol. 26, no. 2, 2021, pp. 144–154. <https://doi.org/10.51762/1FK-2021-26-02-12> (In Russ.)

Baldanmaksarova, E. E. "Literaturnaia klassika v dialoge kul'tur Vostoka i Zapada (opyt mezhkul'turnogo dialoga L. N. Tolstogo i buddiiskogo monakha G. Gomboeva)" ["Literary Classics in the Dialogue of the Cultures of the East and West (The Experience of Intercultural Dialogue between L. N. Tolstoy and the Buddhist Monk G. Gomboev)"]. *Tsennosti i smysly*, no. 1(53), 2018, pp. 7–16. (In Russ.)

Baranov, V. P. "M. I. Kutuzov — velichaishii polkovodets Rossii" ["M. I. Kutuzov — the Greatest Commander of Russia"]. *Izvestiia Rossiiskoi akademii raketnykh i artilleriiskikh nauk*, no. 4 (74), 2012, pp. 104–109. (In Russ.)

Bogdanova, O. A. "'Usadebnaia kul'tura' v russkoi literature XIX – nachala XX veka. Sotsiokul'turnyi aspekt" ["'Estate Culture' in Russian Literature of the 19<sup>th</sup> – Early 20<sup>th</sup> Centuries. Sociocultural Aspect"]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 2 (13), 2010, pp. 14–25. (In Russ.)

Van, K. L., and A. A. Krasnoiarova. "Tolstoi i kul'tura Kitaia" ["Tolstoy and the Culture of China"]. *Filologiiia v XXI veke*, no. 2 (2), 2018, pp. 102–110. (In Russ.)

Gapurov, Sh. A., M. Sh. Gapurova, and L. Sh. Saralieva. "Vliianie Kavkaza na stanovenie literaturnogo tvorchestva i filosofskogo mirovozzreniia L. N. Tolstogo" ["The Influence of the Caucasus on the Formation of Literary Creativity and Philosophical Worldview of L. N. Tolstoy"]. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoii Respubliki*, no. 4 (51), 2020, pp. 33–39. <https://doi.org/10.25744/vestnik.2020.51.4.006> (In Russ.)

Gromkovskaia, L. L. "Lev Tolstoi i Tokutomi Roka (K probleme literaturnogo vliianiia)" ["Leo Tolstoy and Tokutomi Roka (On the Problem of Literary Influence)"]. Rekho, Kim, editor. *Lev Tolstoi i literature Vostoka* [Leo Tolstoy and the Literature of the East]. Moscow, IWL RAS Publ., Nasledie Publ., 2000, pp. 57–70. (In Russ.)

Evlampiev, I. I., and I. Iu. Matveeva. "Dve versii portreta 'cheloveka usilenno soznaiushchego': 'Zapiski iz podpol'ia' F. M. Dostoevskogo kak tvorcheskii otklik na 'Otrochestvo' i 'Iunost' L. N. Tolstogo" ["Two Versions of the Portrait of a 'Person Intensely Conscious': 'Notes from the Underground' by F. M. Dostoevsky as a Creative Response to 'Boyhood' and 'Youth' by L. N. Tolstoy"]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 7, no. 2, 2025, pp. 142–175. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-2-142-175> (In Russ.)

Zverev, A. M., and V. A. Tunimanov. *Lev Tolstoi [Leo Tolstoy]*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2007. 782 p. (In Russ.)

Kvitko, D. Iu. *Filosofiia Tolstogo [Philosophy of Tolstoy]*. Moscow, Izdatel'stvo Kommunisticheskoi akademii Publ., 1930. 227 p. (In Russ.)

Mikhnovets, N. G. *Zhizn' s geniem: zhena i docheri L'va Tolstogo [Life with a Genius: Leo Tolstoy's Wife and Daughters]*. St. Petersburg, Azbuka Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2025. 928 p. (In Russ.).

Rekho, K. "Lev Tolstoi i Vostok" ["Leo Tolstoy and the East"]. Rekho, Kim, editor. *Lev Tolstoi i literatury Vostoka [Leo Tolstoy and the Literature of the East]*. Moscow, IWL RAS Publ., Nasledie Publ., 2000, pp. 5–56. (In Russ.)

Andreeva, V. G., editor. *Fenomen epicheskogo romana v russkoi literature vtoroi poloviny XIX veka: I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, L. N. Tolstoi, F. M. Dostoevskii [The Phenomenon of the Epic Novel in Russian Literature of the Second Half of the 19<sup>th</sup> Century: I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, L. N. Tolstoy, F. M. Dostoevsky]*. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2022. 512 p. <https://doi.org/10.34216/russian-epic-novel-2022> (In Russ.)

Chukanova, E. A. "Dom i antidom v romane-epopee L. N. Tolstogo 'Voyna i mir'." ["House and Anti-house in L. N. Tolstoy's Epic Novel 'War and Peace.'"] *Derzhavinskii forum*, vol. 4, no. 14, 2020, pp. 120–128. (In Russ.)

Shifman, A. I. *Lev Tolstoi i Vostok [Leo Tolstoy and the East]*. Moscow, Nauka Publ., 1971. 550 p. (In Russ.)